

праздники, соблюдение жизненно важных обрядов в случае рождения ребенка, похорон, а также относительно большую ориентацию на внутриэтнические контакты.

Таким образом, ассирийцы, будучи малочисленной этнодисперсной группой, оказавшись в условиях крупного промышленного города и утратив связь с аграрной средой, тем не менее сумели удержать многие элементы традиционной культуры, позволяющие им поддерживать свою самобытность и целостность, избегая быстрой ассимиляции. Более того, некоторые сохраняющиеся социально-этнические нормы позволяют им достаточно безболезненно и удачно вписаться в рыночные условия хозяйствования, но эта тема требует отдельного обсуждения.

Примечания

¹ См., например, *Старовойтова Г. В.* Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987.

² *Савоскул С. С.* Ассирийцы Кубани: к этнокультурной характеристике//Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. М., 1989.

³ Распределение населения по национальности. РСФСР//Итоги Всесоюзной переписи населения. М., 1989. С. 12, 48.

⁴ *Матвеев К. П.* Ассирийцы в городах европейской части СССР.//Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР. М., 1985. С. 50.

⁵ *Матвеев К. П.* Указ. раб. С. 53.

⁶ Дети Междуречья//Россия, 1991. 9—15 окт. № 40.

⁷ *Матвеев К. П.* Указ. раб. С. 54.

⁸ *Старовойтова Г. В.* Указ. раб.

⁹ *Матвеев К. П., Матвеев А. К.* Борьба ассирийского народа за свободу и независимость. М., 1991.

¹⁰ *Савоскул С. С.* Указ. раб. С. 158.

¹¹ См., например: Ассирийцы. Фольклор. Ч. 1—2. Ахыкар Премудрый. М., 1990.

Ethnocultural Description of Moscow Assyrians (on the Materials of Ethnosociological Poll)

This article is an attempt to reveal factors of Assyrians' ethnic self-identification maintainance under the conditions of the big industrial city. It is based on the data of author's poll among Moscow Assyrians (72 people). The following aspects are touched upon: analysis of historical self-identification, confessional specificity, ethnosocial relations, orientation on revival of traditional culture and rites. Obtained empirical data allowed to set a correlation between cultural assimilation and conservation of ethnic originality.

V. N. Titov

© 1992 г., ЭО, № 5

М. С. Куповецкий

ЕВРЕИ ИЗ МЕШХЕДА И ГЕРАТА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ *

В 1986 и 1987 гг. нам удалось провести полевые исследования среди потомков еврейских мигрантов из Ирана и Афганистана, осевших в Средней Азии в XIX — начале XX в. Если не считать нескольких дореволюционных газетных публикаций (в которых нашла отражение достаточно остро стоявшая тогда проблема их правового статуса) в Российской империи, евреям из Ирана и Афганистана, расселенным в Средней Азии, посвящено лишь одно небольшое исследование

* Исследования проведены при поддержке Memorial Foundation for Jewish Culture (авт.)

И. И. Зарубина. В нем автор сделал попытку охарактеризовать особенности языка евреев, выходцев из Герата, проживавших в Бухаре¹. На причинах иммиграции евреев из Ирана и Афганистана, их правовом статусе, особенностях экономической деятельности и этнокультурном облике останавливались в своих обзорах еврейского населения Средней Азии конца XIX — начала XX в. некоторые другие авторы — путешественник Э. Неймарк, сотрудник аппарата туркестанского генерал-губернатора Н. фон-дер-Ховен, гебраист Э. Н. Адлер, антрополог С. А. Вайсенберг². Анализ политики властей Туркестанского края в конце XIX — начале XX в. в отношении евреев — иностранных подданных — дан в обстоятельной статье Д. Лейви³. Упоминания об интересующей нас группе встречаются и в публикациях последних лет⁴. В предлагаемой статье делается попытка проследить историю формирования этой своеобразной группы еврейского населения Средней Азии, особенности ее развития на протяжении XIX—XX вв. и современное этническое состояние.

Этническая история евреев Ирана и Афганистана до переселения части их в Среднюю Азию в XIX — начале XX в. изучена лишь фрагментарно. Основные ее этапы (в той мере, в какой они могут считаться непротиворечивыми) представляются следующим образом. В результате широко практиковавшейся ассирийскими и вавилонскими завоевателями политики насильственных переселений покоренных народов значительная часть населения Израильского и Иудейского царств в VIII—VI вв. до н. э. была поселена в Мидии и Вавилонии. Начиная с эпохи Ахеменидов происходило постепенное расселение евреев далее на восток, и в первые века новой эры еврейские общины уже существовали в позднейшем Хорасане, в том числе и в Мерве⁵. В эпоху средневековья эта историко-этнографическая область охватывала территорию современных Восточного Ирана, Северного Афганистана и Юго-Восточной Туркмении. Вероятно, уже в парфянский период евреи, проживавшие восточнее Тигра и Евфрата, стали усваивать в качестве разговорного персидский язык, а при Сасанидах этот процесс принял достаточно широкие масштабы⁶.

В раннем средневековье приток евреев в Хорасан заметно усилился. Арабские источники X в. характеризуют местное еврейское население как весьма многочисленное⁷. В XIII — начале XVIII в. в результате опустошительных завоевательных походов монголов, Тимура, Шейбанидов и афганских племен, перманентно возникавших междоусобиц и насильственной исламизации (особенно жестокой в период правления в Иране шиитской династии Сефевидов в XVI — начале XVIII в.) численность евреев в Хорасане заметно сократилась. В XVI — начале XVIII вв. многие из них мигрировали в Среднюю Азию и Индию⁸. Большинство влилось там в состав местных еврейских общин, другие постепенно ассимилировались.

Высказывалось мнение, что вплоть до начала XVI в. ираноязычные евреи, проживавшие на территории современных Ирана, Афганистана и Средней Азии, сохраняли относительно тесное этнокультурное единство, постепенно утраченное к концу XVIII в.⁹ В основе процесса его распада лежал комплекс причин политического, экономического, демографического и социокультурного характера. Так, в XVI—XVIII вв. в регионе существовали крайне враждебные отношения между местными феодальными деспотиями. Из-за этого постепенно ослабевали связи между еврейскими общинами, оказавшимися по разные стороны государственных границ. Параллельно нарастал экономический упадок, сокращалась численность еврейских общин, заметно снизился уровень духовной культуры. Как результат, возросло влияние окружавшего иноэтничного большинства на язык, отдельные элементы духовной и бытовой культуры местного еврейского населения. Иными словами, складывались условия для развития интенсивных центробежных тенденций в его среде.

Заметным событием в истории евреев персидского Хорасана стало переселение Надир-шахом в 30-х годах XVIII в. евреев из ряда городов Центрального и Западного Ирана (Казвина, Кашана, Биджара и др.) в Мешхед. Вскоре местная

община заняла доминирующее положение в социокультурной жизни евреев региона¹⁰. Несмотря на переселение значительной части ее членов в другие города Хорасана, на протяжении второй половины XVIII — первой трети XIX в. еврейская община Мешхеда продолжала оставаться наиболее крупной в регионе. Согласно сведениям, собранным в 1821 г. Е. К. Мейендорфом, в Мешхеде насчитывалось 300 домов евреев. Более скромную оценку для 1831 г. приводил А. Конолли — около 100 домов. По данным И. Ф. Бларамберга, в 1839 г. в еврейском квартале Мешхеда было 400 домов, что согласуется с оценкой И. Вольфа на 1832 г.¹¹ Небольшие группы евреев проживали тогда и в других городах персидского Хорасана — Себзеваре, Серахсе, Нишапуре, Торбате и Герате (в этом городе, находившемся лишь в формальной зависимости от Персии, насчитывалось по разным данным от 20 до 50 еврейских семей).

Социальное положение местных евреев как иноверцев (*зимми*) было крайне тяжелым. Они вели замкнутый образ жизни в особых кварталах (*махалли йехудийе*), занимаясь торговлей и ремеслами. Во главе общин стояли старосты (*кетхуда*), осуществлявшие связи с местной администрацией, и раввины (*хахамы*), руководившие вместе со старостами внутренней жизнью еврейских кварталов. Внутри своих кварталов евреи говорили на ряде еврейско-персидских диалектов, относившихся к северо-западной подгруппе иранских языков, отличных от фарси. Для общения с окружающим населением использовался хорасанский диалект фарси¹².

В 1839 г. евреи Мешхеда стали жертвой кровавого погрома со стороны местных мусульманских фанатиков. Десятки их были убиты, еврейский квартал подвергся разграблению, а все его население под угрозой смерти было вынуждено принять ислам. Убийства, грабежи и насильственная исламизация вызвали массовое бегство евреев из города. Сотни еврейских беженцев из Мешхеда осели тогда в Средней Азии, Кабуле, Маймене, ряде городов Персии, Османской империи и Индии. Но основная их масса направилась в Герат¹³.

150 еврейских семей, оставшихся в Мешхеде и принявших ислам, образовали крайне замкнутую группу, получившую у окружавшего населения известность как «джаддид уль ислам» (новообращенные ислама). Среди евреев за ними закрепилось название «джаддидим» (новообращенные) проникшее в дореволюционную российскую периодику в форме «джедиды». Этническое развитие джедидов в Мешхеде во второй половине XIX — первой четверти XX в. было весьма противоречивым. С одной стороны, они внешне ревностно выполняли предписания ислама, отдавали детей для обучения в мусульманские мектабы, старались не отличаться от персов-шиитов в области быта и культуры. Одновременно джедиды тайне продолжали притворяться основными требований иудаизма. В условиях строгой конспирации функционировали молитвенные дома, велось обучение детей основам иудаизма и древнееврейскому языку. Строго соблюдалась внутрigrупповая эндогамия, стойко сохранялось еврейское самосознание. Однако в целом джедиды Мешхеда второй половины XIX — начала XX в. представляли достаточно маргинальную группу, отличную по этнокультурному облику от той части евреев, которые мигрировали из Мешхеда и сохранили принадлежность к иудаизму в открытой форме¹⁴.

Смертельная опасность, грозившая за тайную приверженность к иудаизму, вынуждала многих мешхедских джедидов при первой возможности покидать город. Большинство их направлялось в Герат, который с 1862 г. стал частью Афганского государства. К концу 70-х годов XIX в. в Герате насчитывалось уже около 300 семей еврейских беженцев из Мешхеда. Здесь они получали возможность открыто исповедовать свою религию.

Сходная ситуация наблюдалась и в Мерве, где еще в первой трети XIX в. временно проживали мешхедские евреи, занимавшиеся торговлей¹⁵. Разрушенный в конце XVIII в. войсками бухарского эмира, Мерв до 1857 г. находился под контролем туркмен-сарыков, а затем (до 1884 г.) туркмен-текинцев. После 1839 г. мешхедские евреи образовали в Мерве постоянную общину, численность

которой возрастала за счет притока новых мигрантов из Мешхеда. Посетивший Мерв в 1863 г. востоковед А. Вамбери нашел там уже весьма многочисленную группу евреев¹⁶.

Согласно преданиям, распространенным в настоящее время среди евреев г. Йолотани (Туркмения), их предки — выходцы из Герата в середине XIX в. поселились в Йолотанском и Пенденском оазисах, где жили туркмены-сарыки.

К 1884—1885 гг., когда Юго-Восточная Туркмения была присоединена к России и включена в состав Закаспийской области, там насчитывалось свыше 200 евреев из Мешхеда, Герата и Бухары. 160 из них проживали в Мерве, где в северо-восточной части укрепленной ставки текинского Коушют-хана располагался еврейский квартал.

Евреи жили среди туркменов на правах «покровительствуемых гостей», за что вносили соответствующую плату. Их основным занятием была транзитная торговля с Гератом, Мешхедом и Бухарой. По свидетельствам целого ряда европейцев, побывавших в Юго-Восточной Туркмении в начале 80-х годов XIX в., туркмены достаточно терпимо относились к религиозным обрядам евреев. В Мерве с 1871 г. существовала синагога. Евреи, проживавшие в Мерве, Йолотани, Пенде (совр. г. Тахта-Базар) и Серахсе, сохраняли тесные связи с Гератом и Мешхедом, где у многих из них оставались семьи. В Герат посылали детей для обучения еврейской грамоте и основам иудаизма. После присоединения региона к России местные евреи сохранили иранское и афганское подданство¹⁷.

В новообразованной Закаспийской области российская администрация взяла курс на упорчение оседлости, всячески поощряла развитие торговли и ремесел. Много внимания уделялось становлению связей с сопредельными районами Персии и Афганистана. Учитывая значимость вклада евреев — выходцев из Мешхеда и Герата — в развитие торговли с Персией и Афганистаном, власти не стали чинить препятствий тем из них, кто переселялся в Мервский уезд. Таким образом, в Закаспийской области, как и во всем Туркестанском крае, в 80-х годах XIX в. не действовали многие из дискриминационных в отношении евреев — иностранных подданных пунктов общеимперского иммиграционного законодательства, серьезно ограничивавшего их право на переселение в пределы России. В результате уже в 1887 г. число евреев в Мервском уезде достигло 300 человек, из которых более 200 было сосредоточено в Мерве¹⁸.

Однако после принятия в 1887 г. «Положения об управлении Туркестанского края» права евреев — иностранных подданных в Закаспийской области были существенно урезаны: им было запрещено приобретать недвижимость. Более того, в 1895 г. был издан указ о выселении их за пределы России. Только угроза серьезного подрыва торговых связей с Персией и Афганистаном заставила власти отказаться от столь радикального решения и ограничиться указанием, что евреи — иностранные подданные с 1895 г. пользуются в Закаспийской области лишь правом «временного жительства». В 1902 и 1906 гг. попытки выселения евреев-иностранцев повторялись, но из-за их экономической нецелесообразности так и не были осуществлены¹⁹.

Несмотря на явное ухудшение ситуации, иммиграция евреев из Герата и Мешхеда в Закаспийскую область продолжалась. По воспоминаниям старожилов, верх брали прежде всего чисто экономические интересы. Но немаловажную роль играли тяжелое положение джедидов в Мешхеде и общая крайне нестабильная обстановка в Северном Афганистане. Большинство новых переселенцев оседало в Мерве, но некоторые селились в Тахта-Базаре, Йолотани, Серахсе, Байрам-Али, Ашхабаде, Теджене и Каахке. Отдельные семьи мигрировали и за пределы Закаспийской области — в Самарканд, Ташкент, Коканд.

Создается впечатление, что процесс миграции в конце XIX — начале XX в. носил преимущественно нелегальный характер. Лишь джедиды из Мешхеда иногда получали официальное разрешение на въезд в пределы России в качестве персов-шиитов. Но так или иначе несколько сотен семей евреев и джедидов смогли поселиться в русском Туркестане в предреволюционные десятилетия,

затерявшись среди 60—100 тыс. иммигрантов из Персии и 6—7 тыс. из Афганистана²⁰. Исходя из этого, можно предположить, что данные о численности еврейского населения, содержащиеся в «Обзорах Закаспийской области» за 1890—1906 гг., а также в материалах переписи населения 1897 г., значительно ниже реальных. Это подтверждается и тем, что после энергичных усилий местной администрации по выявлению в 1907—1910 гг. евреев — иностранных подданных, расселенных в Закаспийской области, общая численность еврейского населения в Мервском уезде, согласно «Обзору Закаспийской области», подскочила с 562 в 1906 г. до 1074 человек в 1908 г.²¹ В 1910 г. гачальник Закаспийской области оценивал численность евреев из Мешхеда, Герата и Бухары, проживавших в Мервском уезде, уже в 332 семейства. Кроме того, свыше 240 человек имелось в Тедженском уезде и Байрам-Али²². Таким образом, в 1910 г. только в Закаспийской области насчитывалось не менее 2 тыс. евреев-иностранцев. Из них около четверти составляли выходцы из Герата, которых было более 100 семейств. Подавляющее большинство остальных мигрировали из Мешхеда, поскольку, по данным информаторов, бухарских евреев было тогда в Закаспийской области всего лишь несколько десятков семейств.

В конце XIX — начале XX в. практически единственным занятием евреев из Мешхеда и Герата, проживавших в русском Туркестане, была торговля. Большинство держало лавки на пристанционных базарах Закаспийской железной дороги или занималось корабейничеством в кочевьях туркменом. Крупные купцы из среды джедидов играли активную роль в транзитной торговле с Мешхедом, Гератом, Бухарой, Самаркандом и Ташкентом.

Несмотря на тесные взаимные контакты, включавшие многочисленные браки, общность языка и близость большинства элементов быта и культуры, между джедидами из Мешхеда и евреями из Герата, расселенными в Закаспийской области в предреволюционные годы, существовали определенные этнокультурные различия. Насколько позволяют судить отрывочные наблюдения современников и собранные нами воспоминания старожилов, это касалось прежде всего особенностей социальной организации и стереотипов поведения при общении с иноэтничным населением.

Гератские евреи, сосредоточенные в пределах еврейских кварталов Мерва, Тахта-Базара и Иолотани, строго придерживались предписаний иудаизма и в быту стойко сохраняли весь комплекс обычаев, сформировавшихся в еврейских общинах Ирана и Афганистана в эпоху средневековья²³. Контакты с окружающим населением были у них весьма ограничены и сводились преимущественно к сфере экономической деятельности.

Среди выходцев из Мешхеда выделялись две весьма отличные одна от другой группы. Первую составляли семьи, осевшие в Юго-Восточной Туркмении преимущественно до 1887 г. и с тех пор открыто исповедовавшие иудаизм. Эти семьи, как правило, проживали в еврейских кварталах Мерва и Серахса, мало чем отличаясь от своих соседей — выходцев из Герата. Однако таких было меньшинство. Остальные, переселяясь в русский Туркестан, скрывали свое происхождение и выдавали себя за персов-шиитов. Они селились вне еврейских кварталов, продолжали внешне придерживаться мусульманского образа жизни, в дни больших исламских праздников посещали мечети, иногда отдавали своих детей для обучения в мусульманские медресы. Как правило, это были люди, поддерживавшие тесные торговые связи с Мешхедом или имевшие там близких родственников. Среди прочего так вводилась в заблуждение и местная российская администрация, стремившаяся с конца XIX в. поставить евреев — выходцев из Мешхеда в такое же бесправное положение, как и других иностранцев-евреев.

Иными словами, в условиях постоянной угрозы разоблачения со стороны мусульманских фанатиков в Мешхеде и дискриминационной политике российской администрации большинство евреев — выходцев из Мешхеда предпочитало и в пределах России вести образ жизни джедидов. Их контакты с еврейской общиной носили тайный характер и сводились по большей части к проведению иудейских

религиозных обрядов, связанных с основными этапами жизненного цикла. В то же время, как свидетельствуют их потомки, джедиды Закаспия сохраняли еврейское этническое самосознание, строгую брачную эндогамию (браки заключались ими в своей среде или с мешхедскими джедидами, гератскими и бухарскими евреями). В домашних условиях джедиды Закаспия стремились придерживаться еврейских обычаев, все дети получали необходимое еврейское образование. В домах наиболее уважаемых людей существовали тайные синагоги²⁴.

Те мешхедские и гератские евреи, а также джедиды, которые в рассматриваемый период селились в Самарканде, Ташкенте, Коканде и Бухаре, из-за своей малочисленности не имели возможности сохранять этнокультурное своеобразие и на протяжении одного-двух поколений сливались с бухарскими евреями. Что же касается контактов с поселившимися в Закаспийской области в конце XIX — начале XX в. евреями-ашкенази из Европейской России и горскими евреями из Бакинской губернии, то они носили достаточно спорадический характер. Сказывались существенные различия в языке и этнокультурном облике. К тому же ашкенази и горские евреи (последних было всего несколько десятков) селились в основном в городах Ашхабаде и Красноводске, т. е. на значительном удалении от района сосредоточения мешхедских и гератских евреев (лишь в Мерве в то время проживало несколько семей евреев-ашкенази).

В 1910 г. гератские евреи были поголовно выселены из пределов России, поскольку по действовавшему тогда законодательству евреям-иностранцам не разрешалось постоянно проживать на территории империи. Депортация коснулась и значительной части выходцев из Мешхеда, открыто исповедовавших иудаизм. Эти драконовские меры были проведены в рамках кампании по удалению из русского Туркестана всех евреев — иностранных подданных²⁵.

Большинство депортированных вновь направились в Герат, другие осели в Бухарском эмирате (в городах Керки и Бухаре), а также в Тегеране и других городах Персии. В последующие годы отдельные семьи нелегально вернулись в Закаспийскую область, но лишь после февральской революции 1917 г. этот процесс стал носить достаточно массовый характер. Тогда же небольшие группы гератских и мешхедских евреев переселились в Самарканд, Ташкент и Коканд. Согласно материалам первой советской переписи населения 1920 г., в Туркмении насчитывалось 729 «туземных» евреев (под этим названием фигурировали гератские, мешхедские и бухарские евреи)²⁶. Однако трудно сказать, насколько эти данные соответствовали действительности из-за низкой точности учета при проведении переписи.

Миграция гератских и мешхедских евреев в СССР продолжалась вплоть до середины 20-х годов. В итогах Всесоюзной переписи населения 1926 г. они, судя по всему, отмечены как «евреи-иностранцы», а также как евреи (без уточняющего этнонима), которых в Мервском, Керкинском и Чарджоуском округах Туркменской ССР в целом было зарегистрировано 1481 человек²⁷. Впрочем в это число, несомненно, должно было войти и какое-то сравнительно небольшое число ашкенази, бухарских и горских евреев, проживавших в Мерве, Чарджоу и Керки.

Наши информанты независимо друг от друга указывали, что в середине 20-х годов в Мерве было более 100 семей евреев — выходцев из Герата и Мешхеда; в Иолотани, Байрам-Али, Керки и Тахта-Базаре — по 20—30 семей в каждом и еще свыше 50 семей в Серахсе, Каахке, Душаке, Ашхабаде, Самарканде, Ташкенте, Коканде и Бухаре. Основываясь на этих свидетельствах с учетом данных переписи 1926 г., можно полагать, что общая численность группы в тот период могла достигать 1,5 тыс. человек.

В Мерве гератские и мешхедские евреи жили компактно в еврейском квартале на берегу р. Мургаб (в районе современных Комсомольской и Заманской улиц). Составляя около половины местного еврейского населения, они были объединены в две земляческие общины. Имелось две синагоги «кениссо Машади» (т. е. выходцев из Мешхеда) и «кениссо Хароти» (выходцев из Герата). В середине 20-х годов отдельные кварталы мешхедских и гератских евреев существовали в

Иолотани и Тахта-Базаре. В других городах они жили в кварталах бухарских евреев или дисперсно.

С конца 20-х годов начался обратный отток мешхедских и гератских евреев в Иран и Афганистан, который заметно усилился в начале 30-х годов. Основной причиной эмиграции было резкое усиление экономического, а затем и административного давления органов власти на частных торговцев. В результате многие семьи лишились основного источника доходов. Следует указать, что тогда эмигрировали практически все джеиды — в большинстве крупные купцы. По оценкам наших информантов, к середине 30-х годов в СССР осталось менее 1 тыс. гератских евреев и лишь отдельные семьи выходцев из Мешхеда и их потомков.

В 1937—1938 гг. в рамках кампании по депортации иностранных подданных из приграничных районов СССР гератские и мешхедские евреи из Керки, Тахта-Базара и Серакса были выселены в Байрам-Али и Иолотань. Тогда же практически все взрослые мужчины, сохранявшие до середины 30-х годов иностранное подданство, были обвинены в «подрыве безопасности государства» и на основе сфабрикованных дел осуждены особыми совещаниями частью к расстрелу, частью к длительным срокам заключения или ссылки. По мнению ряда информантов, массовые репрессии 1937—1938 гг. в конечном итоге привели к сокращению численности мешхедских и гератских евреев в СССР по крайней мере на 15—20%.

При проведении всесоюзных переписей населения 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. интересующая нас группа отдельно не выделялась. Мешхедские и гератские евреи вместе с проживавшими в Средней Азии ашкенази, а также частью бухарских и горских евреев фигурировали в материалах переписей просто как «евреи» (без уточняющего этнонима). Это, естественно, затрудняет анализ динамики их численности. Но, исходя из оценок наших информантов в различных городах Средней Азии, можно полагать, что численность мешхедских и гератских евреев в стране за последние полвека росла крайне медленно и в настоящее время едва ли превышает 1 тыс. человек.

Около половины из них проживает сейчас в Туркмении, в том числе 0,4 тыс. в Марыйской области (в Иолотани — около 160 человек, в г. Байрам-Али — более 130 человек, несколько десятков человек в г. Мары (бывший Мерв)). По нескольку семей имеется в Ашхабаде, Чарджуу, Керки. В Узбекистане и Таджикистане (прежде всего в Самарканде, Душанбе, Ташкенте) расселено еще несколько сотен гератских и мешхедских евреев, в подавляющем большинстве они состоят в браках с бухарскими евреями. Лишь в Иолотани еще сохраняются следы их компактного проживания. В других городах мешхедские и гератские евреи расселены дисперсно или в кварталах бухарских евреев.

Семьи гератских и мешхедских евреев были традиционно многодетны. Как свидетельствуют составленные нами генеалогии поселившихся в Туркмении в конце XIX в. двух семей из Герата (включающие около 200 человек, в том числе 78 женщин), в правой четверти XX столетия средний показатель деторождения достигал 8,6, во второй — 5,6, в третьей — 3,2, а в последние годы — 2,7. Несмотря на заметное падение уровня рождаемости в послевоенные десятилетия, для группы, несомненно, характерен и в настоящее время достаточно высокий уровень естественного прироста (не в последнюю очередь из-за заметного снижения уровня смертности, прежде всего детской).

Отсутствие же роста численности группы, отмеченное всеми нашими информантами, можно объяснить интенсивным процессом слияния с более многочисленными бухарскими евреями и эмиграцией нескольких десятков семей в Израиль в 70-х годах.

Основным каналом слияния с бухарскими евреями служат многочисленные межгрупповые браки. В большинстве случаев такие браки ведут к переселению из Туркмении в Узбекистан и Таджикистан. Следует указать, что браки между евреями — выходцами из Мешхеда и Герата, селившимися в Средней Азии, и бухарскими евреями имеют длительную традицию и воспринимаются предста-

вителями обеих групп в настоящее время вполне лояльно. Интересно, что за потомками от таких браков по мужской линии среди бухарских евреев в течение нескольких поколений сохраняется прозвище (калам) «ирони». Причем в данном случае этот термин обозначает выходцев из Ирана в его широком историко-географическом понимании.

В настоящее время в Иолотани до $\frac{1}{10}$ всех евреев — потомков выходцев из Герата и Мешхеда состоят в браках с бухарскими евреями, в Байрам-Али — более $\frac{1}{5}$, а в Мары — около $\frac{1}{3}$. В Самарканде, Душанбе и Ташкенте таких браков подавляющее большинство. В то же время этнически смешанные браки встречаются относительно редко. Так, в Иолотани одна женщина вышла замуж за армянина, в Байрам-Али у двух мужчин жены русская и немка, а у одной женщины муж — перс.

Динамику брачной избирательности можно проследить на примере уже упоминавшихся двух генеалогий. В первом поколении (начало XX в.) заключено 2 брака, оба внутригрупповых. Во втором поколении (вторая четверть XX в.) — 16 браков, из них 9 внутригрупповых, 6 браков с бухарскими евреями и 1 этнически смешанный брак с русской женщиной. В третьем поколении (третья четверть XX в.) — уже 38 браков, из них 6 внутригрупповых, 30 браков с бухарскими евреями, 1 брак с русской и 1 с татаркой. В четвертом поколении — 24 брака, из них 3 внутригрупповых, 19 с бухарскими евреями и 1 брак, в котором муж — армянин.

Современное брачное поведение во многом определяется традициями, которые поддерживаются людьми старшего поколения. Глава семьи (в полных семьях это всегда мужчина) пользуется большим уважением. До середины этого столетия еще сохранялись пережиточные формы большой неразделенной семьи, когда женатые сыновья жили вместе с родителями, ведя во многом совместное хозяйство. В настоящее время наиболее широко распространена двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей. Иногда встречаются семьи, где наряду с родителями и несовершеннолетними детьми живет один из женатых сыновей, старики-родители, а иногда и другие родственники.

Вплоть до начала 30-х годов был распространен обычай левиратного брака. Среди состоятельных людей встречались случаи многоженства. В настоящее время достаточно часты браки на двоюродных братьях и сестрах.

Гератские и мешхедские евреи, живущие в Средней Азии, лишь в рудиментарной форме сохраняют религиозную традицию, которая мало чем отличается от таковой у бухарских евреев. До середины 30-х годов в Мары, Иолотани, Керки, Тахта-Базаре и Самарканде у них были свои синагоги, или, как их называют в Средней Азии, кениссо. В настоящее время основные даты иудейского религиозного календаря (Рош-Хашана, Иом-Киппур, Песах и др.) отмечаются в домашних условиях, в кругу родственников. Широко распространен обычай отмечать годовщину смерти близких «яшуво», когда приглашаются наиболее уважаемые старики, все родственники, друзья.

Из-за отсутствия хахамов (раввинов) обряды обрезания, совершеннолетия, бракосочетания и похоронный сохранились лишь в рудиментарной форме.

В Иолотани функционирует общее для всех гератских и мешхедских евреев кладбище, где хоронят умерших также из Байрам-Али и Мары. Отдельные старики еще помнят древнееврейский язык, во всяком случае, могут на нем читать. Субботний отдых и законы кашрута соблюдают только люди старшего и, частично, среднего поколений.

В быту каких-либо специфических черт, отличающихся от таковых у окружающего русскоязычного населения, ни в Байрам-Али, ни в Мары, ни в Иолотани нам обнаружить не удалось. По рассказам информантов, в некоторых семьях иногда готовят суп «гунды» и мясное блюдо «чолов», характерные для персов Хорасана, но не встречающиеся у бухарских евреев и туркмен. Насколько нам удалось установить, люди старшего поколения еще помнят отдельные предания,

сказки, пословицы и поговорки, песни, несколько отличающиеся от фольклора бухарских евреев.

Традиционный именной группы состоит из имен библейского происхождения, произносимых в настоящее время достаточно эклектично (Элиогу, Моше, Иссахар, Иосеф, Беньямин, Яаков, Леви, Аарон, Авраам, Эстер, Мариам, Иохевед, Сара, Лиа и др.). У молодежи и детей, особенно девочек, появилось довольно много русских и западноевропейских заимствований (Светлана, Тамара, Нина, Елизавета, Сусанна; у мальчиков — Владимир, Александр, Альберт, Эдуард). Как и у других восточных еврейских групп на территории бывшего СССР, современный именной евреев — потомков выходцев из Герата и Мешхеда подвергся еврейско-ашкеназской и русской адаптации (Гриша, Борис, Роман, Рита, Роза, Люба, Сося).

Фамилии гератских и мешхедских евреев в Средней Азии во многом сходны с фамилиями бухарских, горских, курдистанских евреев. В подавляющем большинстве они произошли из отыменных форм (Рафаилов, Абрамов, Ильясов, Левиев, Мехтиев и т. д.). Наследственно передающиеся фамилии появились три-четыре поколения назад, большей частью после революции.

Наши информанты, указывая на близость своего языка к фарси, называли его «гилеки». В литературе упоминалось о бытовании в Герате особого еврейско-персидского диалекта «гилеки», отличного от одноименного иранского языка Прикаспия²⁸.

В 1921 г. сотрудник экспедиции Еврейского историко-этнографического общества в Петрограде И. С. Лурье записал в Бухаре от уроженца Герата Шломо бен Ионатана Рафаилова несколько слов и выражений. Исследовавший эти тексты И. Зарубин, оговорив предварительность выводов из-за специфики языкового материала (запись была произведена русским шрифтом и еврейской графикой, частично не согласованной) и их краткости, констатировал отличие от других известных ему еврейско-персидских диалектов в области морфологии. Последнее дало повод И. Зарубину склониться «к предположению о возможной искусственности этого языка и отнесению его к категории "жаргонов" (т. е. арг.— М. К.), которыми пользуются намеренно и лишь в известной обстановке»²⁹. В середине 80-х годов изучением языка гератских евреев в Туркмении занималась филолог Х. Даниэлова. К сожалению, результаты этого исследования до сих пор не опубликованы. Можно лишь предполагать, что этот языковой идиом, как и другие еврейско-персидские диалекты, сложившиеся в эпоху средневековья на основе среднеперсидского языка, входит в северо-западную подгруппу иранских языков, отличных от современного фарси. Впрочем, еврейско-персидский диалект гератских и мешхедских евреев Средней Азии фонетически и лексически отличается и от еврейского диалекта таджикского языка, которым пользуются бухарские евреи.

В настоящее время активными носителями «гилеки» являются лишь люди старшего и среднего поколений. Молодежь в подавляющем большинстве владеет им уже пассивно. Практически все гератские и мешхедские евреи Средней Азии вне дома говорят по-русски. Многие знают и туркменский язык.

Еще недавно у языка «гилеки» существовала письменная традиция, сейчас практически исчезнувшая. Все мужчины могли писать и читать. Использовалась еврейская графика (квадратное письмо). До начала 30-х годов в Мары существовала еврейская школа, где обучение велось на фарси. Там же в конце 20-х годов функционировал самостоятельный театральный коллектив, ставивший спектакли на «гилеки». С начала 30-х годов дети учатся в русских школах.

Современное этническое самосознание гератских и мешхедских евреев в Средней Азии несет отпечаток их своеобразной этнической истории. Прежде всего следует отметить его сложную трехступенчатую структуру. Так, называя себя в беседе по-русски «евреями», они подчеркивают свое отличие от других живущих рядом еврейских групп (бухарских евреев, ашкенази). Основной упор при этом делается на различиях в языке, этнокультурных традициях. Немаловажное значение имеет и четкое представление об отношении недавнем переселении из Герата и Мешхеда (среди людей старшего поколения еще встречаются

уроженцы этих городов). Одновременно сохраняется внутригрупповое деление на потомков — выходцев из Герата (*хароти*) и Мешхеда (*машади*).

Интересно также, что хароти весьма смутно помнят о событиях в Мешхеде в 1839 г. и о массовом переселении мешхедских евреев в Герат. Но при этом они подчеркивают свое отличие от других еврейских групп, проживавших в Афганистане, — *ковули* и *балхи* (т. е. евреев Кабула и Балха). В этом плане историческая традиция лучше сохраняется среди машади.

Гератские и мешхедские евреи, переселившиеся в Узбекистан и Таджикистан, как правило, сохраняют особое самосознание лишь в первом и втором поколениях, поскольку подавляющее их большинство состоит в браках с бухарскими евреями. В последующих поколениях их потомки, теряя языковую и этнокультурную специфику, считают себя бухарскими евреями.

Особенности этнического самосознания нашли отражение в этнонимии группы. Так, параллельно используются в качестве самоназвания этнонимы *эври*, *яхуди* (еврей), *бане исроел* (сыновья Израиля), *ирони* (выходец из Ирана в его широком историко-культурном понимании), *хароти* (выходец из Герата), *машади* (выходец из Мешхеда). В русскоязычном варианте используются этнонимы *иранские*, *гератские* или *мешхедские* евреи.

В то же время подавляющему большинству наших информантов были неизвестны этнонимы джедид и мусаи (так их называли в прошлом соответственно персы и туркмены). Это же относится и к терминологии типа персидские евреи, афганские евреи, которая использовалась в публикациях конца XIX — начала XX в. Бухарские евреи называют гератских и мешхедских евреев Средней Азии яхуди ирони (иранские евреи). В паспортах все наши информанты записаны евреями.

Несмотря на свою малочисленность, гератские и мешхедские евреи в Средней Азии, и прежде всего те из них, кто проживает в Туркмении, сохраняют известную этнокультурную самобытность и ярко выраженное групповое самосознание. Это позволяет, даже учитывая активно протекающий процесс консолидации с бухарскими евреями, выделить их как особую субэтническую группу еврейского населения Средней Азии, все еще имеющую много общего с так называемыми иранскими евреями, основная масса которых сосредоточена в настоящее время в Израиле (около 120 тыс. человек), США (около 40 тыс.) и Иране (22 тыс.).

Примечания

¹ Зарубин И. И. О языке гератских евреев // Докл. Российской академии наук. Л., 1924. № 11—12. С. 181—183.

² Неймарк Э. Маса беЭрец ха-кедем. Иерусалим, 1948. С. 97 (на яз. иврит); Ховен Н. фон-дер. О среднеазиатских евреях // Будущность. СПб., 1990. № 23. С. 468—469; Adler E. N. Jews in Many Lands. Philadelphia, 1905. P. 214; Вайсенберг С. А. Евреи в Туркестане // Еврейская старина. 1912. Вып. 4. С. 403—405; *его же*. Современные марраны // Еврейская неделя. 1916. № 14—15. С. 81—83.

³ Лейви Д. Положение евреев при Куропаткине // Туркменоведение. Асхабад. 1930. № 11. С. 18.

⁴ Даниэлова Х. Гебраизмы в таджикском языке среднеазиатских евреев // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988. С. 96; Занд М. Яхадут бухара векхибуг асия хатихона бидей за-русим // Пе'амим. 1988. Т. 35. С. 57 (на яз. иврит).

⁵ Neusner J. Jews and Judaism Under Iranian Rule: Bibliographical Reflection // History of Religions. 1968. № 8. P. 139—171; Занд М. Хитуашвут ха-йехудим беасия хатихона бимей кедим увимей хабеухаим хамикданам // Пе'амим. 1988. Т. 35. С. 4—7 (на яз. иврит).

⁶ Lazard G. Le Judeo-Persien Ancien entre Le Pehlevi et le Persien // Transition Periods in Iranian History. Leuven, 1987. P. 167—176.

⁷ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 148, 175, 191, 201; Fischel W. J. The Jews of Central Asia (Khorasan) in Medieval Hebrew and Islamic Literature // Historia Judaica. 1945. V. VII. P. 29—50.

⁸ Fischel W. J. The Jews in Medieval Iran from the 16th to the 18th Centuries; Political, Economical and Comunal Aspects // Irano-Judaica. 1982. P. 285—286; Moreen V. B. The Problems of Conversion among Iranian Jews in the 17th and 18th Centuries // Iranian Studies. 1986. V. 19. № 3—4. P. 215—228.

⁹ Lewis B. The Jews of Islam. Princeton, 1984. P. 111—112.

¹⁰ Фишел В. Кехилат хаанусим бе-парас // Цион. 1936. № 1. С. 49—79 (на яз. иврит); Нецер А. Корот анусим машад // Пе'амим. 1990. Т. 42. С. 127—156 (на яз. иврит).

- ¹¹ *Мейндорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 95; *Бларамберг И. Ф.* Статистическое обозрение Персии//Зап. Рус. геогр. о-ва. 1853. Кн. 7. С. 235; *Sonolly A.* Journey to the North India, Overland from England, through Russia, Persia and Afganistan. L., 1834. V. 1. P. 303; *Wolf J.* Travels and Adventures. L., 1961. P. 312.
- ¹² *Lazard G.* La Dialectologie du Judeo-Persien//Studies in Bibliography and Booklore. Cincinnati. 1968. V. 8. P. 77—98; *Jar Shater E.* The Jewish Communities of Persia and their Dialects//Memorial J. de Menasce. Leuven, 1974. P. 453—466.
- ¹³ *Ben-Zvi I.* The Exiled and the Redeemed. Jerusalem, 1976. P. 116—117.
- ¹⁴ *Фишел В.* Указ. раб. С. 56—62; *Нецер А.* Указ. раб. С. 135—148.
- ¹⁵ *Борис А.* Путешествие в Бухару. Ч. 3. М., 1849. С. 359; *Wolff J.* A Mission to Bokhara in the Years 1843—1854. Washington, 1969. P. 113.
- ¹⁶ *Вамбери А.* Очерки жизни и нравов Востока. СПб., 1877. С. 280.
- ¹⁷ *Алиханов А.* Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883. С. 32; *Лессар П. М.* Юго-Западная Туркмения//Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 13. СПб., 1884. С. 20; Сообщение генерала Лемсдена в Королевском географическом обществе в Лондоне//Там же. Вып. 16. СПб., 1885, С. 246; *Неймарк Э.* Указ. раб. С. 101.
- ¹⁸ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год. Асхабад. 1897. Ведомость Б.
- ¹⁹ *Лейви Д.* Указ. раб. С. 18.
- ²⁰ *Ховен Н. фон-дер.* Указ. раб. С. 468—469; *Вайсенберг С. А.* Современные марраны. С. 81—84; *Матвеев А. М.* Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. Ташкент, 1977. С. 15.
- ²¹ Обзор Закаспийской области за 1906 г. Асхабад, 1907. С. 13; Обзор Закаспийской области за 1908 г. Асхабад, 1910. С. 6.
- ²² Правовое положение//Рассвет. 1910. № 29. С. 17.
- ²³ *Brauer E.* The Jews in Afganistan: an Anthropological Report//Jewish Social Studies. 1942. № 4. P. 121—138.
- ²⁴ *Вайсенберг С. А.* Современные марраны. С. 81—84.
- ²⁵ *Лейви Д.* Указ. раб. С. 18; *Вайсенберг С. А.* Современные марраны. С. 81—84; *Бенари А.* Джедиды//Туркестанский курьер. 1910. № 195. С. 2.
- ²⁶ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч. 1. Вып. 1—2. Ташкент, 1922. С. 40.
- ²⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVI. М., 1928. Табл. 6.
- ²⁸ Краткая Еврейская энциклопедия. Т. 2. Иерусалим, 1982. С. 449.
- ²⁹ *Зарубин И. И.* Указ. раб. С. 183.

Jews from Meshhed and Gerat in Central Asia

The ethnic history and modern ethnic development of one of insufficiently known small ethnic groups in Central Asia — farsi-speaking Jews migrated in 19 and early 20 century from Meshhed and Gerat is considered. The author analyzes migration process, their settling in Central Asia, the specific features of traditional culture, language peculiarities, traits of demography behavior and the relations of descibal group with surrounding ethnically alien people and more numerous Bukhara Jews.

M. S. Kupovetsky

© 1992 г., ЭО, № 5

А. С. Балезин

НЕМЕЦКАЯ ОБЩИНА В НАМИБИИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СУБЭТНОСА (по материалам полевых исследований)

События последних лет, происходящие в мире, лишний раз показывают важность разработки этнических проблем. В этом смысле, думается, небезынтересен и опыт Намибии — бывшей Юго-Западной Африки, самого молодого независимого государства на Черном континенте. Положение там немецкой общины связано с вопросами формирования многорасового общества, национальных меньшинств, иммигрантов — вопросами, имеющими сегодня далеко не